УДК 830 Г-1.06+882 Л-3.06

«ФАУСТ» И.В. ГЕТЕ И «ДНЕВНИК САТАНЫ» Л.АНДРЕЕВА: КОНФЛИКТНАЯ СВЯЗЬ

Косенко А.А., аспирант

Запорожский государственный университет

Творчество Л.Андреева - одно из наиболее сложных явлений в истории русской литературы. Противоречивость идейно-эстетических принципов, философских концепций, специфический синтез и трансформация универсальных тем и образов мировой литературы вызывают интерес исследователей к творческому наследию Л.Андреева.

Особенно актуальным на сегодняшний день есть рассмотрение произведений русского писателя с позиций компаративистики, одной из важнейших задач которой является исследование эволюции «вечных» образов «легендарно-міфологічного, фольклорного і літературного походження» [1,14] в литературе XX в. Безусловно, к традиционным образам мировой литературы относятся, прежде всего, образы Дон-Жуана, Прометея, Фауста и другие. Образы Фауста и Мефистофеля, которые демонстрируют смертельное пари между человеком и дьяволом, хотя и являются созданием народной фантазии, воспринимаются большинством литераторов как герои «Фауста» Гете. Ведь именно Гете придал этим образам то универсальное значение, которое обеспечило им неограниченную возможность трансформаций в литературах разных народов в соответствии с потребностями времени.

Одной из основных примет эпохи Гете была вера в возможность человека изменить мир при помощи разума, в соответствии с законами морали. А начало XX в - то время, когда доминантой общественного сознания становится разочарование в гуманистических идеалах и добродетельной силе разума. Поэтому интересен анализ трансформаций гетевских образов в литературе именно этого периода, к которому принадлежит и творчество Л.Андреева, поскольку оно в полной мере отражает все особенности общественного мировосприятия своего времени.

Роман «Дневник Сатаны» не пользуется широкой популярностью по сравнению с другими произведениями Андреева. Между тем, это произведение, написанное в 1919 г., является зеркальным отражением настроений своего времени в оригинальной художественной форме. Автор обращается к универсальному мотиву гетевской трагедии: договору человека с чертом. Именно они являются главными героями романа. Эти две силы, два полюса сталкиваются и взаимодействуют с целью решения «вечного» вопроса: на что способен человек, каковы его возможности. «Специфика главных героев обусловливается их соотнесенностью с персонажами драмы Гете «Фауст», которая в начале XX в. была заново открыта символистами и оказалась в центре их литературных и нравственно-философских споров... «Дневник Сатаны» Андреева включился в эту полемику и, «перелицевав» гетевскую фабулу, значительно переосмыслил ее с позиций современности» [2,3]. Универсальные образы Фауста и Мефистофеля оригинально трансформируются Андреевым в Сатану-Вандергуда и Фому Магнуса.

Рассказ в произведении ведется «вочеловечившимся Сатаной» [3]. Сатаной, который превратился в человека и в связи с этим утратил свое могущество, которое давало ему преимущество над смертными «Я - Сатана... Но о моем вочеловечении я могу рассказать тебе мало... Прежде всего забудь о твоих любимых волосатых, рогатых и крылатых чертях, которые дышат огнем, превращают в золото глиняные осколки, а старцев в обольстительных юношей, и, сделав все это и наболтав много пустяков, мгновенно проваливаются сквозь сцену» [3,313]. Возникает ассоциация с Мефистофелем, «театральным» чертом, способным и обогатить, и омолодить Фауста. Позже андреевский Сатана прямо укажет на свое родство с Мефистофелем: «Я видел в миланской «Скала», как мой коллега Мефисто корчился и прыгал по всей сцене...» [3,373].

Внешняя схожесть Сатаны и Мефистофеля - безусловный факт. У Мефистофеля «когтей ты не найдешь в заводе, рога исчезли, хвост исчез» [4,146], («Wo Siehst du Horner, Schweif und Klauen?») [5,160].

Сатана-Вандергуд так описывает свой вид: «Я сейчас человек..., от Меня пахнет не вонючим козлом, а недурными духами, и ты можешь спокойно пожать мою руку,... не боясь оцарапаться о когти: Я их стригу, как и ты» [3,314].

С одной стороны Мефистофеля и Сатану сближает презрительное отношение к человеку: они оба уверены в ограниченности его разума, неспособного постичь суть Универсума, сравнивают человека с насекомым (черт Гете – с “der Zikaden” [5,99], цикадой, Сатана - с червяком), со «скотом». С другой - оба, и Мефистофель, и Сатана, в какой-то мере, сочувствуют человеку, его тяжкой жизни на земле. Мефистофель: " человеку бедному так худо, что даже я щажу его покуда"[4.32].

«Die Menshen dauern mich in ihren Jammertagen;

Ich mag sogar die armen selbst nicht plagen» [5,99.]

Сатана: «Смотрю в прошлое Земли и вижу мириады тоскующих теней... это рабы. Их глаза полны слез и гортань пересохла от стонов» [3,384].

Постепенно, существуя в мире людей, Сатана начинает понимать, что именно люди утвердили в современном обществе законы Ада. Ситуация абсурдна: Сатана изображается Андреевым как существо более гуманное, чем человек.

На фоне Сатаны особенно ярко выделяется фигура современного человека, жестокого и агрессивного.

Сатана подписывает договор с Магнусом довольно необычно: «Этот договор мы скрепили дружеским пожатием. Мы не открывали вен, мы не писали кровью, мы просто сказали «да», но этого достаточно: как тебе известно, только люди нарушают договоры, черти же всегда их исполняют…, вспомни всех твоих волосатых и рогатых чертей» [3,380].

Магнус побеждает в финале черта, но не альтруистическим действием, а, напротив, своей жестокостью, хитростью.

Магнус – специфическая трансформация образа Фауста, результат воздействия на сознание автора идей Ницше, осмысления катаклизмов начала XX в.

В трагедии Гете присутствует мысль о противоречивости прогресса, о том, какой ценой надо за него платить (история Филимона и Бавкиды). Для Фауста путь к глобальным переменам лежит через смерть двух старичков. Магнус – фанатик идеи полного изменения мира через его тотальное уничтожение. Магнус способен заплатить не одну–две, а миллион смертей ради реализации своего плана. При этом он, как и Фауст, свято верит в то, что действует на благо человечества. “Пойми наконец, я не могу допустить, чтобы всякая двуногая мразь также называлась человеком. Их стало слишком много, … они плодятся, как кролики… Мне становится противно ходить по земле, которой овладела чужая порода. Надо на время отпустить законы и пустить смерть в загородку” [3,542]. Фауст уверен в том, что великому делу утверждения его воли ничто не должно мешать: его раздражает упрямство стариков, не желающих покидать свою хижину. Он не намерен приносить свой план в жертву случайным препятствиям.

Магнус, этот “сверхчеловек”, тоже не признает для себя “жалости и обязанности” [3,412].

Итак, можно предположить, что между “Фаустом” и “Дневником Сатаны” существует так называемая “конфликтная связь” [6,222]: Магнус – оригинальная трансформация Фауста, развитие одного из аспектов полисемантичного образа в соответствии с потребностями времени.

“Вечные” образы Фауста и Мефистофеля кардинально изменяются в начале XX в., в соответствии со сменой ведущих философских идей, общественных настроений, вызванных определенными историческими событиями (войны, революции). Это наглядно демонстрирует “Дневник Сатаны”. Образ Магнуса – как человека абсолютно свободного от традиционной морали, жаждущего изменить мир в соответствии со своими представлениями о благе человечества, готового на любые жертвы ради реализации задуманного – художественное переосмысление образа Фауста в XX в. Это Фауст, который страшнее, чем Мефистофель. Сатана- Вандергуд, данный Магнусу Мефистофель, демонстрирует то старое, традиционное зло, которое блекнет перед злом новым, более активным и изобретательным. Л.Андреев в своем романе пытается отрицать этику Гете с позиций современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гречанюк Ю.А., Нямцу А.Є. Проблеми історизму і традицій в літературі XIX-XX ст. – Чернівці: Рута, 1997.- 38с.
2. Московкина И.И. Поэтика прозы Леонида Андреева. Жанровая система и художественный метод.-К: Нац. АН Укр. Институт им.Т.Г.Шевченко, 1994.- 300с.
3. Андреев Л.Н. Анатэма. Избранные произведения.- К.: Днипро, 1989.-575с.
4. Гете И.В. Фауст.- М.: Художественная литература, 1957.-508с.
5. Goetne. Faust.- Aufbau.- Verlag Berlin und Weimar. 1974.-380s.
6. Бушмин А. Преемственность в развитии литературы.- Л.: Художественная литература, 1978.-280с.